

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Смерть
как
ИСКУССТВО

Книга 2

ПРАВОСУДИЕ

МОСКВА

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Читайте все романы Александры Марининой:

Стечение обстоятельств	Городской тариф
Игра на чужом поле	Чувство льда
Украденный сон	Все не так
Убийца поневоле	Взгляд из вечности. Благие намерения
Смерть ради смерти	Взгляд из вечности. Дорога
Шестерки умирают первыми	Взгляд из вечности. Ад
Смерть и немного любви	Жизнь после Жизни.
Том 1, Том 2
Черный список	Личные мотивы
Посмертный образ	Смерть как искусство. Маски
За все надо платить	<i>Смерть как искусство.</i>
<i>Правосудие</i>
Чужая маска	Бой тигров в долине
Не мешайте палачу	Оборванные нити
Стилист	Последний рассвет
Иллюзия греха	Ангелы на льду не выживают
Светлый лик смерти	Казнь без злого умысла
Имя потерпевшего никто	Обратная сила. 1842–1919
Мужские игры	Обратная сила. 1965–1982
Я умер вчера	Обратная сила. 1983–1997
Реквием	Цена вопроса. Том 1, Том 2
Призрак музыки	Горький квест.
Том 1, Том 2, Том 3
Седьмая жертва	Другая правда. Том 1, Том 2
Когда боги смеются	Безупречная репутация.
Том 1, Том 2
Незапертая дверь	Отдаленные последствия
Том 1, Том 2
Закон трех отрицаний	Тьма после рассвета
Соавторы	Дебютная постановка.
Том 1, Том 2
Воюющие псы одиночества	
Тот, кто знает. Опасные вопросы	
Тот, кто знает. Перекресток	
Фантом памяти	
Каждый за себя	
Замена объекта	
Пружина для мышеловки	

МАЛЕКСАНДРА
МАРИНИНА

Смерть
как
ИСКУССТВО

Книга 2

ПРАВОСУДИЕ

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М26

Иллюстрация на обложке *И. Хивренко*

Маринина, Александра.
М26 Смерть как искусство. Книга вторая. Правосудие / Александра Маринина. — Москва : Эксмо, 2025. — 352 с. — (А.Маринина. Меньше, чем спец. цена).

ISBN 978-5-04-221632-9

«Жизнь — театр, а люди в нем — актеры». Известное шекспировское изречение как нельзя лучше подходит к новому роману королевы современного детектива Александры Марининой. Ведь театр — не только высокое искусство, он как живой организм, не терпящий лжи, предательства и порой мстящий очень жестоко.

В театре «Новая Москва» совершается загадочное и непонятное для окружающих преступление — покушение на режиссера и художественного руководителя Л.А.Богомолова. Теперь уже частный детектив Анастасия Каменская и молодой оперативник с Петровки Антон Сташис приступают к расследованию, которое приводит их к удивительным и неожиданным результатам. Подозреваемых много, все они лгут, и у каждого для этой лжи есть свои причины: и родительская любовь, и слепая страсть, и гнусный шантаж, и жажда успеха, достающегося слишком дорогой ценой, и страх разоблачения. Казалось бы, все вращается вокруг театра, но одно маленькое, вроде бы незначительное событие, уходящее корнями в прошлое и ставшее в результате роковым, порождает новое зло. И сегодня пришло время восстановить справедливость...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-221632-9

© Алексеева М.А., 2019
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

— Пап, я мультики посмотрю, ладно?

Антон положил вилку и взглянул на часы.

— А спать тебе не пора, Василиса Прекрасная?

— Не пора, не пора! — Девочка запрыгала вокруг отца, исполняя замысловатый танец. — Ты у Эли спроси, она всегда в это время разрешает мне мультики смотреть.

Антон бросил взгляд на Эльвиру, стоящую у плиты к нему спиной. Да, няня любит его детей, но не слишком ли она их балует, не слишком ли много свободы дает?

— Васька, уже десятый час, «Спокойной ночи, малыши» закончились, какие тебе еще мультики нужны? — недовольно произнес он.

— На диске. Ну пап! Мы когда сегодня с Элей гуляли, она купила два новых диска с мультиками, но сказала, что, пока я все уроки не сделаю, мне смотреть нельзя. Вот я все сделала.

«Эля сказала». Ну что ж, подрывать авторитет няни негоже, все-таки она с детьми проводит больше времени, чем он, родной отец.

— Хорошо, — согласился Антон, — смотри. Но только до десяти часов. В десять — спать, и без разговоров.

— А Степке можно со мной?

Эльвира повернулась и строго посмотрела на девочку.

— Васенька, мы же с тобой договаривались: Степа должен ложиться в девять, он еще маленький. И, между прочим, ровно в девять ты должна была сама его уложить и почитать на ночь сказку.

Василиса понурилась.

— Я хотела, но... Он спать совсем не хочет еще. И я пообещала, что спрошу про мультики, вдруг вы разрешите...

— Мы с папой не разрешаем, — твердо проговорила Эльвира. — Ты идешь укладывать Степана, читаешь ему, пока он не заснет, а потом смотришь мультики ровно до десяти. Договорились?

— Тогда совсем мало времени останется, — расстроено пробормотала Василиса.

— Вася, — вмешался Антон, — это не обсуждается. Есть режим, есть график, все расписано по минутам. Если ты не укладываешься в график, значит, надо что-то поменять, но не в графике, а в твоих поступках. Вот почему ты так поздно закончила уроки? Ты должна была их сделать уже давным-давно. Чем ты занималась?

Девочка помолчала, потом нехотя двинулась к двери.

— Ладно, пойду Степку укладывать.

Антон с улыбкой смотрел ей вслед. Потом взял вилку и доел свой ужин. Эльвира по-прежнему что-то готовила, стоя к нему спиной.

— Эля, вы сами-то поели? — спросил он.

— Не беспокойтесь, я ужинала вместе с детьми.

— Так это когда было! Сядьте, хотя бы чайку выпейте, что вы там все возитесь?

— Хочу вам на завтрак пшеничную кашу с тыквой оставить, а тыква очень долго варится, я с утра не успею приготовить. Антон, вы не сердитесь на Васю, она вам подарок готовит, поэтому и с уроками задержалась.

— Подарок? — удивился Сташис. — Какой? По какому случаю?

— К Новому году.

— Так ведь еще не скоро...

— Ну, у нее сложный замысел. — Эльвира засмеялась и присела за стол напротив Антона. — Мы сегодня специально ходили в магазин, покупали расходные материалы, потом сидели и вместе придумывали эскизы. Только вы не спрашивайте, что это, а то сюрприза не получится. Это я посоветовала Васе начать готовить подарок заранее, потому что задумка у нее действительно непростая, и не исключено, что с первого раза ничего не получится, и придется переделывать. Если хотите ругать, то ругайте меня, девочка не виновата, это я не уследила за временем.

— Ну что вы, Эля, — мягко улыбнулся Антон, — разве я могу вас ругать? Без вас я бы со-

всем пропал. Но основного графика ваши затеи не отменяют, договорились?

— Конечно, — кивнула няня.

Она снова встала к плите, а Антон допил чай и подошел к двери детской. Оттуда доносился приглушенный голос Василисы, читавшей четырехлетнему Степану «Храброго портняжку». Вообще-то, Степка уже умел читать сам, Эльвира очень серьезно относилась к своей работе и выполняла функции одновременно няни, домработницы и гувернантки, но Антон считал, что у Василисы должны быть определенные обязанности по воспитанию брата, и если у детей нет матери, то «сказку на ночь» должна обеспечивать сестра. Уже без двадцати десять, Степка еще не спит, это безобразие, и даже если он уснет немедленно, у Васьки останется только минут пятнадцать на просмотр мультфильмов. Может, напрасно он устроил такую казарму? Может, надо быть помягче с детьми, больше им позволять, больше баловать? Ответа Антон Сташис не знал, но одно знал точно: заранее составленное расписание, графики, режим, распорядок — это спасительная соломинка, ухватившись за которую можно выплыть из любой беды.

Он устроился в гостиной на диване и взял в руки книгу, но что-то не читалось... Снова вспомнилась пустота, которая не просто окружила — задушила его в тесных объятиях после похорон матери. Всего за четыре года он потерял все, что составляло его семью и его жизнь,

и он остался один в большой трехкомнатной квартире, которая еще совсем недавно всегда была полна голосов, смеха и любви. А теперь в ней никого и ничего не было, кроме него самого, казавшегося себе в тот момент одиноким, маленьким и никчемным, и тишины.

Антон пытался разомкнуть тиски пустоты и одиночества, стал постоянно приглашать к себе сокурсников и сокурсниц, собирал шумные многолюдные компании, в которых было много спиртного, много пьяного секса, тупого веселья и бессмысленных разговоров. Он боялся оставаться один в квартире, засыпал, оглушенный алкоголем, утром, не глядя по сторонам, умывался, одевался и убегал на учебу в Университет МВД, после занятий оставался в читальном зале и готовился к семинарам и практическим занятиям, а домой возвращался уже с друзьями и девушками. В таком угаре прошло около четырех месяцев, потом Антон опомнился. Сделал генеральную уборку, выбросил пустые бутылки, которые обнаруживал в самых неожиданных местах квартиры, отнес в химчистку то, что не мог постирать своими руками, и больше никого к себе не приглашал. Компаниями он пытался заполнить образовавшуюся пустоту, но внезапно понял, что это не та наполненность, которую он потерял и к которой стремился. Ему нужен теплый душевный контакт, ему нужна семья, ощущение сообщества, собратства, а не пьянки-гулянки.

Но оказалось, что без алкоголя он совсем не

мог спать. В ночной тишине его стали преследовать звуки, которых он в реальной жизни не слышал: стон умирающего отца, жуткий крик падающей с высоты одиннадцатого этажа сестры, предсмертный хрип матери. Отец на самом деле не стонал, он просто упал, и Антон слышал только шум упавшего на пол тела. Отец был без сознания и больше не издал ни звука. А когда случились несчастья с сестрой и матерью, Антона даже дома не было. Но звуки преследовали его, они рождались где-то под потолком и настойчиво лезли в уши, в голову, пронзали все его тело.

Пришла бессонница. То есть это была не совсем бессонница, потому что спать он вроде бы и хотел, но уснуть не мог. И начались книги. Сначала те, что были дома, но домашняя библиотека, не такая уж обширная, давно была изучена Антоном вдоль и поперек, а на покупки в книжных магазинах слушательской стипендии, торжественно именовавшейся «окладом содержания», не хватало. На помощь пришли соседи, которые относились к юноше с сочувствием и добротой и не вмешивались, пока в его квартире шли беспрестанные гулянки, но, как только наступила тишина, сразу же протянули Антону руку. Соседи были семьей, близкой к искусству: он — театральный критик, она — журналист из отдела культуры в многотиражной газете. И библиотека у них была огромная. Антон брал сразу по нескольку книг и глотал их залпом, без разбору, все подряд, лишь

бы чем-то себя занять по ночам и не слышать страшных звуков. Со временем он стал приходить в соседскую квартиру не только за книгами, но и просто так, заходил после занятий, садился в уголке, доставал учебники и конспекты и занимался: пребывание в пустых комнатах собственного дома все еще угнетало. Однажды ему в руки попала книга Михаила Чехова «Путь актера», которую Антон прочел с неожиданным любопытством. Особенно его привлекло учение об атмосфере, которая сама по себе порождает определенные поступки людей, и рассуждения Чехова о Куприне, которого молодой тогда еще актер случайно увидел в разнузданной пьяной компании. «Вся компания производила жуткое и тяжелое впечатление. В центральной фигуре я узнал А.И. Куприна. Но какая разница между ним и окружающей его компанией! Я не знаю, что переживал Куприн, что заставляло лицо его искажаться болью и злобой, но я знал, что это было что-то для него серьезное, глубокое и настоящее». Антона тогда поразила готовность молодого человека понять и разобраться, а не смешивать огульно всех присутствующих в одну безликую массу.

После этого Антон долго обдумывал мысль о том, что нельзя относиться к людям как к маскам, потому что живые, реальные люди многограннее и интереснее, чем плоская одноплановая маска. «Я не верил прямым и простым психологиям, — писал М. Чехов. — ...Быть человеческим — это значит уметь примирить противополо-

ложности... Раздражение против людей, ненависть к ним и непримиримая с ними борьба являются, по большей части, результатом неверного представления о неизменности человеческого характера».

Он начал присматриваться к тем, с кем общался, все время помня то, о чем написал Михаил Чехов, в частности, обращая особое внимание не столько на произносимые людьми слова, сколько на выражение их лиц, интонации и жестикуляцию, чтобы, как советовал актер, постараться понять, что именно человек чувствует и что он хочет сказать, какую мысль донести. Ведь Чехов советовал: «Я... вычитаю мыслительное содержание говорящего человека и слушаю не то, ЧТО он говорит, но исключительно — КАК он говорит. Тут сразу выступает искренность или неискренность его речи. Больше того, становится ясным, для чего он говорит те или иные слова, какова цель его речи, истинная цель, которая зачастую не совпадает с содержанием высказываемых слов». Сначала получалось не очень хорошо, но в Антоне проснулся исследовательский интерес, и он не оставлял своих упражнений, пока наконец не почувствовал, что научился быстро и довольно точно улавливать внутреннюю мысль собеседника. Ему говорили: «Да он нормальный парень, с ним, в принципе, можно иметь дело», а он слышал: «С этим парнем что-то не так, и, если есть возможность, лучше дела с ним не иметь». Ему говорили: «Со мной все в порядке,

не обращай внимания», а он знал, что ему хотят сказать: «У меня беда, мне нужна помощь, мне нужно внимание». Первой мыслью было недоумение: зачем же говорить одно, когда в голове совсем другое? Наверное, Чехов прав, и люди действительно сложны и многогранны.

В нем проснулся интерес к людям. К конкретному человеку. К его внутреннему миру, его судьбе, его переживаниям. Антон Сташис умел хорошо слушать, он был терпеливым и благодарным собеседником, и в этом своем даре нашел наконец лекарство от одиночества и ощущения, что ты никому не нужен. Свой страх одиночества и невостребованности он так и не преодолел и считал слабостью, которую и компенсировал общительностью, иногда неоправданной, иногда немного навязчивой, но зато оказавшейся отличным подспорьем в работе сыщика. Если позволяло время, Антон так разговаривал с людьми, что они в конце концов готовы были выложить ему свои самые сокровенные тайны, ибо чувствовали с его стороны не наигранный, не искусственный, а искренний и глубокий интерес. Но это пришло уже потом, после учебы...

И еще одну важную вещь объяснили ему соседи: нормально устроенный мозг не умеет работать над двумя мыслями одновременно, и если занять его одной мыслью, то никакая другая уже не прорвется.

— Ты оказался в полной пустоте, — говорила соседка-журналистка, — и тебе нужно чем-то

ее заполнять, на что-то отвлекаться. Составь список дел, вплоть до самых мелких и незначительных, таких, как заварить чай или вымыть чашку, расставь все дела по времени в течение суток, прямо по минутам расставь, только ни в коем случае ничего не записывай, держи весь график в голове и постоянно повторяй про себя, чтобы ничего не забыть. Попробуй, это очень хорошее упражнение, мне в свое время оно здорово помогло.

Антон попробовал. И довольно быстро втянулся, потому что постоянное поглядывание на часы и мысленное повторение дел и отведенных на них часов и минут не давало возможности вспоминать и тосковать. И не давало пугающим непрошеным звукам ни малейшей возможности прорваться в голову. Он наконец начал спать по ночам.

Женился Антон Сташис рано и практически второпях. Вообще-то, им очень интересовались сокурсницы, потому что, кроме высокого роста, привлекательной внешности и неплохих мозгов, у него была большая хорошая квартира, но он каким-то чутьем угадывал, что того душевного тепла и чувства семьи, которое ему нужно, эти девушки не дадут. Совершенно случайно, в автобусе, он познакомился с Ритой, крошечной и худенькой, выглядящей лет на шестнадцать. Потом оказалось, что она старше Антона на два года, выросла в детдоме и тоже очень хочет иметь семью и много детей. Уже через два месяца они подали заявление в ЗАГС,

а через четыре Антон Сташис женился, но не по страсти, а, скорее, по чувству того самого душевного уюта, которого ему так не хватало. Он был хорошим верным мужем, потом стал хорошим заботливым отцом и был уверен, что это и есть любовь. Во всяком случае, в том, что у него хорошая, счастливая семья, Антон ни минуты не сомневался.

После похорон Риты он снова остался один, но на сей раз на руках у него были двое детишек, двухлетний Степка и шестилетняя Вася. Никакой родни, к которой можно было бы обратиться за помощью, у Антона не оказалось, а о детдомовской Рите и говорить нечего. Первую неделю он пребывал в полной растерянности и совершенно не понимал, как ему жить дальше, а потом пришла Эля, Эльвира, жена того, кто по пьяной удали застрелил Риту. Антон даже не колебался, предложение Эльвиры оказать ему любую посильную помощь было для него поистине спасительным. Денег у того, кто убил Риту, оказалось немерено, и все они остались его жене, которая отныне имела полную возможность работать у Сташиса без зарплаты и даже тратить на его детей собственные средства. Поначалу Антона это коробило, он пытался вернуть Эльвире все, что она тратила на Степана и Василису, а также на продукты для самого Антона, но каждый раз сталкивался с решительным отказом.

— Я не для вас стараюсь, — твердо говорила Эльвира. — Я это делаю для себя. Это нужно

мне, понимаете? Я пытаюсь хоть как-то искупить то, что натворил этот подонок.

Антон понимал. И очень скоро перестал обсуждать с няней финансовые вопросы. А с «этим подонком» Эльвира почти сразу же развелась, разделив общее имущество ровно пополам.

— Теперь вы можете быть уверены, что я трачу на вас не его деньги, а свои. Я же понимаю, вас коробит при мысли о том, что я что-то купила для ваших детей на деньги убийцы их матери. С сегодняшнего дня этого больше не будет, — объявила Эльвира, кладя перед Антоном на стол копию судебного решения о расторжении брака и разделе имущества.

Он не стал бороться с любопытством и бумагу из суда прочел, просто чтобы представлять себе степень обеспеченности его няни, а то вдруг окажется, что денег-то у нее кот наплакал! Выяснилось, что если кот и наплакал, то это был очень крупный кот, просто-таки гигантский, даже не кот, а динозавр какой-то. И плакал он, по-видимому, очень долго и горько. Одним словом, разведенная красавица Эльвира, тридцати трех лет от роду, была обладательницей приличного состояния, включающего, помимо банковских счетов, дом в трех километрах от МКАДа и два автомобиля — джип и седан, то есть являлась в качестве потенциальной невесты весьма и весьма выгодной партией. «У нее появятся поклонники, — с грустью подумал тогда Антон, — она захочет выйти замуж и родить, пока не стало поздно, собствен-

ных детей, Эля от нас уйдет, и что мы с ребятами будем делать? Оставляя их одних я не могу, и платить другой няне я не смогу тоже, моей зарплаты на это не хватит. Катастрофа!»

Он попытался поговорить об этом с Эльвирой, но в ответ получил только укоризненный взгляд и короткую фразу:

— Есть грехи, на искупление которых уходит вся жизнь, да и ее порой оказывается недостаточно.

Больше они к этой теме не возвращались. А один из двух автомобилей Эльвиры — седан — вскоре оказался у Антона, который пользовался им по доверенности...

На экране телевизора мультяшный персонаж с остервенением пилил толстое дерево, на котором висели яркие соблазнительные плоды. Василиса сидела рядом с Антоном, привалившись к отцу плечом, и легонько ерзала, будто помогая неммыслимому существу с витыми рождками справиться со стволом. Антон в очередной раз посмотрел на часы: без двух минут десять. Еще две минуты — и Ваську придется гнать спать. Он прикрыл глаза и откинул голову на спинку дивана. Как хорошо вот так сидеть, ощущая рядышком теплое, такое родное тельце дочки и зная, что она довольна и весела, и Степка здоров и уже видит второй сон в своей постельке, и все у них в порядке, и завтра тоже все будет в порядке, они проснутся, выйдут на кухню, а там будет сидеть красивая и добрая фея Эля, которая приезжает каждый день к се-

ми утра, чтобы накормить всех завтраком и отвести Степку в садик, а Ваську в школу. Как хорошо... Если бы еще...

Нет, не думать, не вспоминать, не сожалеть. Составлять расписание. Следить за временем. Заниматься работой. Двигаться дальше. Жить.

Настя Каменская с остервенением передвигала рычажок будильника, не понимая, почему он не перестает звенеть. Пришлось открыть глаза и с удивлением обнаружить, что до звонка еще целых десять минут. Что же это так назойливо мешает спать?

Оказалось, что спать мешает телефон. Из ванной доносился шум воды, и она поняла, что Алексей принимает душ и поэтому не снимает трубку. Пришлось откидывать одеяло и тянуться к лежащей на столе телефонной трубке.

— Пална, дрыхнешь? — слышался голос Сережи Зарубина.

— А ты как думаешь! — сердито отозвалась она. — Что еще я должна делать, по-твоему, без десяти семь утра?

— Ждать меня, — уверенно ответил Сергей. — Нет, Пална, я серьезно, можно у тебя помыться и позавтракать?

Настя села в постели и потрясла головой.

— Я что-то не совсем...

— Да у меня скандал продолжается. — Голос Сергея вдруг стал жалобным и унылым. — Вчера вроде начали мириться, а потом снова-здо-

рово, слово за слово — и пришлось хлопнуть дверью. А куда деваться-то? Время полвторого ночи. Вот и спал в машине. Весь помятый, несвежий и голодный. Спасешь несчастного?

Сон наконец отступил окончательно, мысли прояснились.

— Конечно, Сержик, конечно, — торопливо произнесла Настя. — Ты далеко?

— Рядом. Я же знал, что ты не отвергнешь бездомного и не оставишь его без куска хлеба. Буду через пять минут.

Она накинула халат и постучала в дверь ванной.

— Леш, у нас гости. Что на завтрак приготовить?

Из ванной выглянул муж, половина лица уже выбрита, другая половина в белоснежной пене, в руках бритва.

— А кто это нас осчастливит в такую рань?

— Зарубин. У него дома столетняя война, он в машине спал.

— Сейчас я добреюсь и что-нибудь соображу, пока ты будешь мыться.

Сергей явился не через пять минут, как обещал, а через целых пятнадцать, за это время Настя успела принять душ и умыться, а Алексей приготовил вполне приличный завтрак на троих.

— Сперва поешь, — скомандовал Чистяков, — а то все остынет. Потом помоешься. Я там в ванной тебе новую бритву оставил, в упаковке.